

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.35
JEL: R11, R13

**Моделирование взаимосвязи циклической динамики индикаторов
экономического и институционального развития: опыт России и стран
Центральной Азии в контексте мирового развития**

К.Х. Зоидов, к.ф.-м.н., доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; AuthorID (РИНЦ): 250522
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Г.Г. Бобоев, к.э.н., соискатель докторантуры ИПР РАН
AuthorID (РИНЦ): 1252447
e-mail: boboev_g81@mail.ru

Для цитирования

Зоидов К.Х., Бобоев Г.Г. Моделирование взаимосвязи циклической динамики индикаторов экономического и институционального развития: опыт России и стран Центральной Азии в контексте мирового развития // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 1. – С. 166-185.

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-166-185

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы моделирования взаимосвязи циклической динамики индикаторов экономического и институционального развития России и стран Центральной Азии в контексте мирового развития. **Цель работы.** Рассматривается взаимосвязь между институциональными и экономическими индикаторами России и стран ЦА в контексте глобального развития. Описаны результаты корреляционного и регрессионного анализа, проведённого на базе данных WGI, раскрыта роль таких факторов, как верховенство закона, качество регулирования и контроль коррупции. Делается вывод о неоднородности институционального прогресса: Казахстан и Узбекистан демонстрируют поступательное развитие, тогда как Таджикистан и Туркменистан остаются в числе аутсайдеров. Отмечается различная степень влияния политической стабильности и демократичности на эффективность управления. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Новизна анализа заключается в системной оценке институциональных детерминант качества государственного управления в России и странах Центральной Азии на основе шести субиндексов WGI. Впервые в рамках сравнительного подхода осуществлена интеграция методов регрессионного, корреляционного и кластерного анализа, что позволило не только определить ведущие институциональные факторы эффективности управления, но и выявить внутреннюю согласованность институциональных изменений. Установлено, что наибольшее влияние на эффективность государственных институтов оказывают такие параметры, как верховенство закона, качество регулирования и контроль коррупции. **Выводы.** Выявлены особенности политико-институциональной модели региона: устойчивое управление нередко достигается в условиях ограниченной политической конкуренции, что формирует регионально специфическую траекторию развития. Эти результаты дополняют существующие теории институционального роста и расширяют понимание источников устойчивости постсоветских государств.

Ключевые слова: России и стран Центральной Азии, моделирование взаимосвязи циклической динамики, индикаторы экономического и институционального развития, корреляционный и регрессионный анализ, государственное управление, эффективное управление, верховенство закона, качество регулирования, контроль коррупции.

Modeling the relationship between cyclical dynamics of economic and institutional development indicators: the experience of Russia and Central Asian countries in the context of global development

Kobiljon Kh. Zoidov, Cand. of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; AuthorID (RSCI): 250522
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the MEI RAS
AuthorID (RSCI): 1252447
e-mail: boboev_g81@mail.ru

For citation

Zoidov K.Kh., Boboev G.G. Modeling the relationship between cyclical dynamics of economic and institutional development indicators: the experience of Russia and Central Asian countries in the context of global development// Market economy problems. – 2025. – No. 1. – Pp. 166-185 (In Russian).
DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-166-185

Annotation

The article discusses the problems of modeling the relationship between cyclical dynamics of indicators of economic and institutional development of Russia and Central Asian countries in the context of global development. **The purpose of the work.** The article examines the relationship between the institutional and economic indicators of Russia and Central Asian countries in the context of global development. The results of the correlation and regression analysis conducted on the WGI database are described, the role of such factors as the rule of law, the quality of regulation and corruption control is revealed. The conclusion is drawn about the heterogeneity of institutional progress: Kazakhstan and Uzbekistan demonstrate progressive development, while Tajikistan and Turkmenistan remain among the outsiders. There is a varying degree of influence of political stability and democracy on the effectiveness of governance. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** The novelty of the analysis lies in the systematic assessment of the institutional determinants of the quality of public administration in Russia and Central Asian countries based on six WGI subindexes. For the first time, the methods of regression, correlation and cluster analysis were integrated within the framework of the comparative approach, which allowed not only to identify the leading institutional factors of management effectiveness, but also to identify the internal consistency of institutional changes. It has been established that such parameters as the rule of law, the quality of regulation and the control of corruption have the greatest impact on the effectiveness of public institutions. **Conclusions.** The features of the political and institutional model of the region are revealed: sustainable governance is often achieved in conditions of limited political competition, which forms a regionally specific development trajectory. These results complement existing theories of institutional growth and expand the understanding of the sources of sustainability of post-Soviet states.

Keywords: *Russia and Central Asian countries, modeling the relationship of cyclical dynamics, indicators of economic and institutional development, correlation and regression analysis, public administration, effective governance, rule of law, quality of regulation, corruption control.*

Введение

Современные исследования в области экономического роста и институционального развития подчеркивают тесную взаимосвязь между качеством институтов и динамикой макроэкономических показателей [8-10]. В условиях глобальных трансформаций роль эффективных институтов возрастает, так как они становятся важнейшим фактором, определяющим устойчивость экономики к внешним шокам, скорость адаптации к изменениям и способность к инновационному развитию. В этом контексте анализ взаимосвязей динамики экономических и институциональных индикаторов в России и странах Центральной Азии (ЦА) приобретает особую значимость, позволяя выявить специфику региональных процессов на фоне общемировых тенденций.

Следует отметить, что постсоветские государства, включая Россию и страны ЦА, стартовали в 1990-е годы с сопоставимыми институциональными условиями, однако к настоящему времени их траектории существенно разошлись. На фоне глобального роста значимости институтов как детерминант развития, сравнение их эволюции позволяет не только оценить эффективность проведенных реформ, но и определить факторы, способствующие или препятствующие институциональной модернизации. Такой подход позволяет выявить характерные особенности взаимодействия экономического и институционального развития в сравнительном аспекте и сформировать рекомендации для выстраивания эффективной экономической политики [1].

1. Эконометрический анализ взаимосвязи циклической динамики индикаторов экономического и институционального развития

Всемирный банк ежегодно публикует Worldwide Governance Indicators (WGI) – совокупность шести индексов, отражающих различные измерения институционального развития. К ним относятся: Voice and Accountability (участие граждан и подотчетность властей), Political Stability and Absence of Violence (политическая стабильность и отсутствие насилия), Government Effectiveness (эффективность правительства), Regulatory Quality (качество регулирования), Rule of Law (верховенство закона) и Control of Corruption (контроль коррупции). Эти индикаторы измеряются в диапазоне от приблизительно - 2.5 (слабое качество институтов) до +2.5 (высокое качество) и рассчитываются на основе агрегирования мнений экспертов и опросов по каждой стране. В данном отчете рассматривается динамика указанных индикаторов в России и пяти странах ЦА (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) в период с 2000 по 2023 гг. на основе данных WGI [5]. Проведём корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между показателями внутри каждой страны и между странами, регрессионный анализ для определения ключевых факторов институционального развития, а также кластерный анализ, группируя страны по схожести их институциональных характеристик [11].

Индексы WGI варьируются в интервале от -2,5 до 2,5, где более высокие значения соответствуют более высокому качеству государственного управления. Анализ показателей России демонстрирует, что все значения индексов остаются в отрицательной зоне, что свидетельствует о низком уровне развития государственных институтов.

С 1995 года независимая организация Transparency International публикует индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI), измеряющий уровень восприятия коррупции среди населения. Следует учитывать, что данный индекс отражает субъективное восприятие коррупционных явлений и не является прямым измерением фактических масштабов коррупции. Динамика CPI за последние 15 лет свидетельствует о негативных тенденциях: Россия покинула первую сотню стран с наименьшим уровнем восприятия коррупции и в 2016 году заняла 131 место из 176 возможных с оценкой 29 баллов (по шкале от 0 до 100, где 100 означает

отсутствие коррупции, а 0 – её максимальную распространенность). Наилучшие показатели зафиксированы в Дании и Новой Зеландии (90 баллов), наихудшие – в Южном Судане и Сомали (10–12 баллов) [16].

Совместный анализ субиндексов WGI и динамики CPI позволяет сформировать целостное представление об институциональной траектории России. На сегодняшний день качество национальных институтов заметно уступает не только показателям экономически развитых стран, но и ряду государств с переходной экономикой.

Экономический рост, наблюдавшийся в России в период с 1998 по 2007 годы со средними темпами на уровне 5,8 п.п., не сопровождался институциональными преобразованиями. Более того, отмечалась регрессия: произошло существенное сокращение прав и свобод граждан, размывание прав собственности и отход от модели зрелого естественного государства в сторону базовой модели порядка ограниченного доступа [18].

В период функционирования единого государства СССР рассматривались возможности интеграции экономик Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Казахстана в единый народнохозяйственный комплекс с учетом союзного, регионального и национального разделения труда и производства [14]. Следует особо отметить положительные стороны интеграционных процессов в период вхождения стран ЦА в состав СССР, включая становление национальных государств, определение их территорий и границ, развитие государственной власти, науки, всеобщего образования, формирование национальных экономик индустриально-аграрного типа, и т.д. Всё это выступает предпосылками для углубления экономической интеграции стран ЦА в современных условиях. Нужно отметить, что в период СССР такие страны как Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан входили в условное интеграционное объединение под названием экономики Средней Азии.

Особенностью современного институционального развития России является наличие существенного расхождения между ухудшением ключевых институциональных индикаторов и улучшением отдельных показателей, связанных с регистрационно-разрешительными процедурами, отраженных в рейтинге Doing Business. Положительная динамика по отдельным административным аспектам скрывает наличие серьёзных системных проблем, включая слабую защиту прав собственности, недееспособность судебной системы и низкую эффективность исполнения контрактных обязательств. Устойчивое экономическое развитие станет возможным лишь при устранении данных институциональных ограничений.

Россия рассматривает ЦА как зону своих приоритетных интересов, стремясь сохранить влияние в регионе, обеспечить безопасность своих южных границ и противодействовать усилению позиций других внешних акторов, таких как Китай и США. В этом контексте Москва активно продвигает интеграционные инициативы, включая ЕАЭС и Организацию Договора о коллективной безопасности, а также развивает двусторонние отношения со странами региона [19].

В настоящее время существование устойчивой и статистически значимой корреляции между качеством национальных институтов и уровнем экономического развития признается научным сообществом как эмпирически установленный факт. Основные дебаты в рамках современной экономической теории сосредоточены не на подтверждении значимости институтов как фактора роста, а на уточнении характера причинно-следственных связей и решении проблемы эндогенности. Ключевым вопросом остается, выступают ли институты самостоятельной первопричиной экономического роста или же их становление и эффективность представляют собой результат влияния иных, более фундаментальных факторов социального и экономического развития [13].

Анализ основан на данных WGI для России и стран ЦА за 2000–2024 гг. (с пропуском 2001 г., поскольку WGI не рассчитывался в 2001 г.). В частности, использованы оценочные значения каждого из шести индикаторов WGI для выбранных стран. Каждый показатель отражает перцептивную оценку соответствующего аспекта государственного управления: например, эффективность правительства характеризует качество предоставления государственных услуг и степень компетентности бюрократии, верховенство закона – уровень доверия к правовым институтам и соблюдение законов, а контроль коррупции – способность страны сдерживать взяточничество и злоупотребления властью. Для анализа данных использованы статистические

методы: коэффициенты Пирсона для оценки корреляций, множественная линейная регрессия (метод наименьших квадратов) для выявления влияния одних индикаторов на другие, и иерархическая кластеризация (метрика Евклида, метод Уорда) для группировки стран по профилю индикаторов. Все расчёты выполнены с использованием официальных данных WGI, но, следует отметить, что при интерпретации следует помнить о наличии погрешностей в этих индексах, что требует осторожности при прямом сравнении стран. Тем не менее, WGI являются широко применимым инструментом для отслеживания общих тенденций и межстрановых сопоставлений качества институтов.

Коэффициент детерминации (R^2) оценивает качество аппроксимации модели и показывает долю дисперсии зависимой переменной, объясненную регрессионной моделью.

Формула расчета R^2 :

$$R^2 = 1 - (SS_{\text{res}} / SS_{\text{tot}}) \quad (1)$$

где: SS_{res} – сумма квадратов остатков (ошибок модели), SS_{tot} – общая сумма квадратов отклонений фактических значений от их среднего значения.

Формулы расчета SS_{res} и SS_{tot} :

$$SS_{\text{res}} = \sum (y_i - \hat{y}_i)^2 \quad (2)$$

$$SS_{\text{tot}} = \sum (y_i - \bar{y})^2 \quad (3)$$

где: y_i – фактическое значение зависимой переменной, \hat{y}_i – предсказанное значение зависимой переменной, \bar{y} – среднее значение зависимой переменной, n – количество наблюдений.

Интерпретация R^2 : значение R^2 близкое к 1 свидетельствует о высокой степени объяснения вариации зависимой переменной моделью. Низкие значения R^2 указывают на слабую объясняющую способность модели.

Таблица 1

Таблица R^2 по странам Центральной Азии и России

Страна	R squared
Казахстан	0,929
Кыргызская Республика	0,594
Российская Федерация	0,828
Таджикистан	0,383
Туркменистан	0,714
Узбекистан	0,863

Источник: Составлено авторами на основе результатов регрессионного анализа динамики Индекса восприятия коррупции стран ЦА и России за период 2000–2024 гг. с использованием расчёта коэффициента детерминации (R^2).

Таблица с коэффициентами детерминации (R^2) по каждой стране показывает, насколько хорошо институциональные показатели (коррупция, правопорядок, регуляторное качество, голос, стабильность) объясняют вариации в эффективности государственного управления.

Средние значения шести индикаторов WGI по странам (простая средняя оценка, условно отражающая общий уровень институционального развития) в 2000–2023 гг. Видно, что Казахстан демонстрирует стабильное улучшение институциональных показателей, особенно после середины 2000-х. Узбекистан с 2016 г. совершил резкий рывок вверх, тогда как Кыргызстан и Россия колеблются на среднем уровне без выраженного прогресса. Таджикистан и Туркменистан остаются внизу, показывая лишь незначительные изменения.

Модель множественной линейной регрессии с β -коэффициентами имеет следующий вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + \beta_5 X_5 + \varepsilon \quad (4)$$

где: Y – зависимая переменная (например, индекс экономической свободы или восприятия коррупции), β_0 – свободный член (константа), β_1 – коэффициент при переменной Контроль коррупции (X_1), β_2 – коэффициент при переменной Верховенство закона (X_2), β_3 – коэффициент при переменной Качество регулирования (X_3), β_4 – коэффициент при переменной Голос и подотчетность (X_4), β_5 – коэффициент при переменной Политическая стабильность (X_5), ε – ошибка модели.

Пояснения к β -коэффициентам: константа (β_0) отражает базовый уровень зависимой переменной при нулевых значениях всех факторов. В реальных моделях интерпретируется ограниченно. Положительный β -коэффициент показывает, что увеличение соответствующего фактора приводит к увеличению зависимой переменной. Отрицательный β -коэффициент означает обратную зависимость между фактором и зависимой переменной.

Важно: значения β -коэффициентов позволяют оценить силу и направление влияния каждого фактора на результат. Нестандартно высокие значения константы или коэффициентов могут указывать на особенности масштаба данных или на ошибки в исходных измерениях.

Таблица 2

 β -коэффициенты для регрессии

Страна	Константа	Контроль коррупции	Верховенство закона	Качество регулирования	Голос и подотчетность	Политическая стабильность
Казахстан	0,397	0,368	0,505	0,513	-0,018	0,024
Кыргызская Республика	0,224	1,043	-0,07	0,205	-0,241	-0,098
Россия	1284	0,998	0,444	0,02	-0,092	0,442
Таджикистан	-0,653	-0,538	0,726	0,323	-0,199	0,085
Туркменистан	-1,146	0,576	1481	-0,977	-0,462	-0,582
Узбекистан	-0,004	-0,517	0,663	0,32	-0,019	0,211

Источник: Составлено авторами на основе результатов множественного регрессионного анализа влияния факторов институционального развития (контроля коррупции, верховенства закона, качества регулирования, голоса и подотчетности, политической стабильности) на целевые показатели стран ЦА и России за период 2000–2024 гг.

На основе таблицы β -коэффициентов для стран ЦА и России можно сделать следующие ключевые выводы:

1. Верховенство закона – ключевой фактор почти для всех стран. Почти во всех странах коэффициент при индикаторе «Верховенство закона» положителен, особенно в Туркменистане (1,481) и Таджикистане (0,726). Это подтверждает, что укрепление правовых институтов (независимость судов, соблюдение законов) тесно связано с ростом эффективности управления. В Кыргызстане коэффициент отрицательный, что может указывать на нестабильную правовую систему или влияние других факторов.

2. Контроль коррупции также играет важную роль, особенно в Кыргызстане и России. Самый высокий коэффициент у Кыргызстана (1.043) – это указывает на то, что эффективность госуправления в этой стране особенно чувствительна к уровню коррупции. В России коэффициент также значителен (0.998), что согласуется с официальными докладами о системной коррупции как тормозящем факторе развития.

3. Голос и подотчетность (демократичность) – чаще всего отрицательно связаны с эффективностью. Все страны (кроме Казахстана, где значение близко к нулю) показывают отрицательные коэффициенты: например, Туркменистан (-0.462), Кыргызстан (-0.241).

Это может свидетельствовать о временном «конфликте» между демократией и эффективностью в регионе: страны с более авторитарной моделью (Казахстан, Узбекистан) добиваются лучшей управленческой эффективности на фоне ограниченных свобод.

4. Качество регулирования – положительно связано с эффективностью, кроме Туркменистана. В большинстве стран положительный вклад: например, Казахстан (0.513), Таджикистан (0.323). Исключение – Туркменистан (-0.977), где вероятно, сами регуляции неэффективны или чрезмерно централизованы, что тормозит управление.

5. Политическая стабильность – не всегда влияет положительно. Россия (0.442) и Казахстан (0.024) – небольшой положительный эффект. А в Туркменистане (-0.582) и Кыргызстане (-0.098) – отрицательный, что указывает: формальная стабильность без реформ может не усиливать управление, а наоборот – консервировать неэффективные практики.

Сделаем вывод, что наиболее последовательное и сбалансированное влияние оказывают два индикатора: «Верховенство закона» и «Контроль коррупции». Именно они чаще всего дают положительный вклад в эффективность государственного управления. Влияние политических факторов (демократии и стабильности) неоднозначно и зависит от контекста конкретной страны.

На графике выше представлены усреднённые показатели шести индексов WGI, иллюстрирующие эволюцию общего качества институтов. Казахстан начал с относительно низких значений (-0.8 по усреднённому индексу в 2000 г.), но за два десятилетия добился существенного роста – к 2022–2023 гг. его средний показатель улучшился примерно до -0.4, что соответствует уровню выше 50-го перцентиля в мире по отдельным индексам (например, качество регулирования 53.3%, эффективность правительства 57% в 2023 г.). Узбекистан долгое время отставал (в 2005–2015 гг. усреднённое значение около -1.4 – худший результат в группе), однако после смены руководства в 2016 г. начал активные реформы. К 2022 г. Узбекистан заметно поднялся (средний индекс около -0.7), особенно улучшив политическую стабильность и эффективность правительства. Россия и Кыргызстан демонстрируют промежуточные результаты: их индексы колебались в диапазоне -0.8...-0.9 на протяжении 2000–2020-х гг.

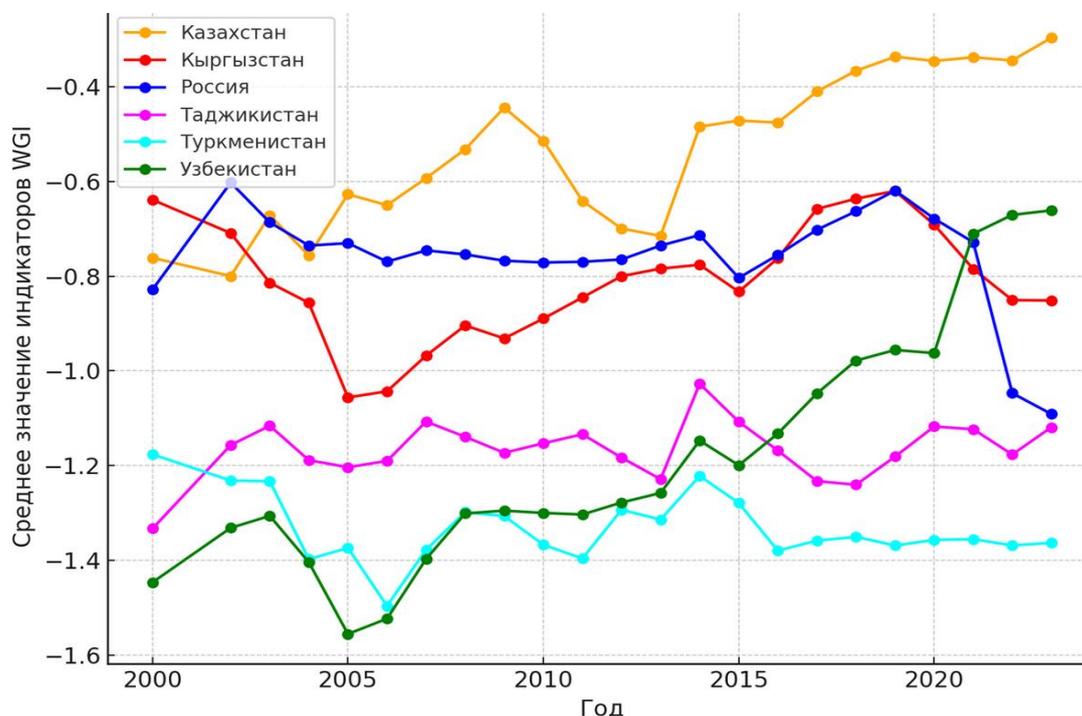

Рис. 1. Средний показатель институционального развития (среднее WGI) с течением времени (составлено авторами по [5]).

Россия в начале 2000-х несколько усилила институты (рост показателей до 2010 г.), но впоследствии наблюдается стагнация или снижение (в 2022 г. значения вернулись к уровню около -0.9). Кыргызстан, напротив, переживал смены режима и периоды нестабильности, что

приводило к волатильности индикаторов (особенно резкие колебания показателя политической стабильности), но в среднем уровень его институтов также остаётся около -0.9 и существенно ниже мирового среднего (например, эффективность правительства оценивалась лишь на 19-м процентиле в 2023 г.). Таджикистан и Туркменистан сохраняют наиболее слабые институты, их показатели все годы остаются вблизи -1.2...-1.5. Особенно низкими у этих стран являются качество регулирования (например, в 2023 г. рейтинги: Таджикистан 11-й перцентиль, Туркменистан – одни из худших в мире) и голос граждан (фактически отсутствие политических свобод). В целом, начальный обзор динамики показывает: Казахстан стал региональным лидером по качеству государственного управления, Узбекистан совершил заметный прогресс, Россия и Киргизия топчутся на месте на среднем уровне, а Таджикистан с Туркменистаном остаются заметно позади.

Корреляция индикаторов внутри стран. Рассмотрение связности шести показателей между собой для каждой страны помогает понять, идут ли различные аспекты институционального развития рука об руку либо наблюдаются структурные “перекосы”. В большинстве рассматриваемых стран прослеживается высокая положительная взаимосвязь между ключевыми показателями эффективности, правопорядка и контроля коррупции. Так, в Казахстане начиная с 2000 г. все три индекса ощутимо улучшались синхронно, что отражается в очень высокой корреляции между ними (например, коэффициент корреляции между эффективностью правительства и качеством регулирования 0,93, между эффективностью и верховенством закона 0,91). Аналогично, в Узбекистане, особенно после 2016 г., реформы носили комплексный характер – параллельный рост практически по всем направлениям (корреляции между верховенством закона, качеством регулирования и голосом, и подотчётностью достигают 0,7–0,8). Это означает, что улучшение одного институционального параметра, как правило, сопровождалось прогрессом и в других сферах. Данный эффект согласуется с общемировой тенденцией: согласно исследованиям Всемирного банка, государства с более эффективными правительствами, как правило, имеют и более низкий уровень коррупции, и более высокую подотчётность властей. Иными словами, сильные институты зачастую усиливаются взаимно.

Таблица 3

Состояние сопряжённости (корреляции) между институциональными индексами (индикаторами)

Индикатор	Контроль коррупции	Эффективность правительства	Политическая стабильность	Качество регулирования	Верховенство закона	Голос и подотчётность
Контроль коррупции	1,0	0,74	0,01	0,66	0,81	0,44
Эффективность правительства	0,74	1,0	0,04	0,74	0,85	0,49
Политическая стабильность	0,01	0,04	1,0	-0,11	0,03	-0,24
Качество регулирования	0,66	0,74	-0,11	1,0	0,82	0,85
Верховенство закона	0,81	0,85	0,03	0,82	1,0	0,61
Голос и подотчётность	0,44	0,49	-0,24	0,85	0,61	1,0

Источник: Составлено авторами на основе данных Worldwide Governance Indicators (WGI) Всемирного банка за период 2000–2024 гг.

Таблица сопряжённости, позволяет сделать обоснованные выводы о степени взаимосвязи между ключевыми институциональными индикаторами, характеризующими качество государственного управления в России и странах Центральной Азии. Наиболее высокие

значения коэффициентов корреляции выявлены между показателями «Эффективность правительства», «Верховенство закона», «Контроль коррупции» и «Качество регулирования». В частности, наблюдается значимая положительная корреляция между эффективностью государственного управления и верховенством закона ($r = 0,85$), а также между эффективностью и качеством регулирования ($r = 0,74$). Это свидетельствует о том, что в странах с высоким уровнем правопорядка и развитой регуляторной средой, как правило, формируются более эффективные управленческие практики. Именно ограниченность институционального развития в Центральной Азии предопределяет преобладание модели избирательной интеграции. Это проявляется в приоритетном характере сотрудничества по линии Таможенного союза и Европейского союза, тогда как другие направления остаются менее развитыми. В современном мире интеграция рассматривается как неотъемлемый элемент политического, экономического, институционального и культурного развития, что подчеркивает необходимость укрепления институциональных основ для более сбалансированного и устойчивого участия региона в международных процессах [12].

Аналогично, коэффициент корреляции между контролем коррупции и верховенством закона составляет 0,81, а между контролем коррупции и эффективностью правительства – 0,74. Такие значения подтверждают выводы международных исследований о том, что снижение уровня коррупции тесно связано с институциональной модернизацией и способностью государства реализовывать публичные функции эффективно и беспристрастно. Таким образом, можно утверждать, что улучшение одного компонента институционального развития – например, борьба с коррупцией или повышение качества регулирования – способствует положительной динамике и в других смежных сферах.

В то же время наблюдается слабая, а в отдельных случаях даже отрицательная связь между политической стабильностью и другими институциональными характеристиками. Так, корреляция между политической стабильностью и эффективностью правительства составляет всего 0,04, а с качеством регулирования – отрицательная (-0,11). Это может указывать на то, что формальная стабильность не всегда сопряжена с высоким качеством институциональной среды, особенно в авторитарных или централизованных режимах. Более того, политическая стабильность демонстрирует отрицательную корреляцию с показателем «Голос и подотчетность» ($r = -0,24$), что позволяет предположить наличие определённого институционального компромисса между устойчивостью власти и развитием демократических институтов в ряде стран региона.

Показатель «Голос и подотчетность» в целом демонстрирует умеренную положительную корреляцию с остальными индикаторами: например, с качеством регулирования ($r = 0,85$) и с верховенством закона ($r = 0,61$), что свидетельствует о потенциальной взаимной поддержке демократических процессов и развития правовой среды. Однако связь между демократичностью и эффективностью государственного управления ($r = 0,49$) оказывается ниже, чем аналогичная связь с более формализованными правовыми характеристиками, что может отражать специфику постсоветского пространства, где институты демократии не всегда сопровождаются высокой административной способностью государства.

Результаты корреляционного анализа подтверждают, что институциональное развитие носит системный характер: наиболее тесно взаимосвязаны те показатели, которые отражают фундаментальные свойства государственности, такие как верховенство закона, антикоррупционная политика и регуляторное качество. Влияние политико-демократических характеристик на эффективность управления выражено менее однозначно и может зависеть от национальных особенностей и историко-культурного контекста.

Однако корреляционный анализ выявил и исключения, характерные для политических режимов региона. В ряде стран наблюдается отрицательная взаимосвязь между показателем демократии и другими индикаторами. Например, в России за исследуемый период индекс политической стабильности заметно вырос (особенно в 2000-е годы), тогда как индекс голоса и подотчётности снижался – в результате корреляция между ними отрицательная. Похожим образом, в авторитарном Туркменистане отмечается слабая или отрицательная связь между эффективностью правительства и качеством регулирования с показателем «Гласность и подотчетность». Эти факты указывают на возможный компромисс между политической

открытостью и управленческой эффективностью в некоторых постсоветских странах: усиление контроля и централизации власти сопровождается улучшением бюрократической исполнительности, но достигается ценой сокращения гражданских свобод. Такой феномен отмечается и в среднем по азиатским странам: регион Восточной Европы и Азии показывает более высокие оценки правительства при более низких показателях демократии. Например, средний балл «Голос и подотчетность» для Азии – наихудший среди всех регионов, в то время как по «Эффективность государственного управления» азиатские страны находятся в середине мирового рейтинга, что необычно на фоне других регионов. В нашем анализе стран ярким примером служит Казахстан, т.к. при низком уровне политической конкуренции и свободы слова (значение индикатора «Эффективность государственного управления» стабильно около -1.0...-1.2, перцентиль 10–15%) Казахстан сумел достичь относительно высоких качественных показателей госуправления (эффективность правительства повысилась до перцентиля 57%, контроль коррупции – до 49%). Кыргызстан, напротив, является более демократичным («Голос и подотчетность» около -0.7, что лучше соседей), но это не привело к высокому качеству остальных институтов (эффективность правительства и верховенство закона остаются слабыми). Таким образом, корреляционный анализ внутри стран показывает, что структура институционального развития неоднородна: в некоторых случаях наблюдается гармоничное улучшение всех показателей, а в других – определённый перекосяк, где усиление одних аспектов сопровождается стагнацией или деградацией других.

За последние два десятилетия методология сравнительных исследований качества институциональной среды стран значительно эволюционировала, что стало возможным благодаря активному использованию международных индексов и рейтингов. В настоящее время научное сообщество располагает обширным набором глобальных индикаторов институционального развития, формируемых научно-образовательными центрами, консалтинговыми компаниями и независимыми коммерческими организациями. Среди наиболее авторитетных структур, осуществляющих такую оценку, выделяются Kurtzman Group, Всемирный банк, агентство Standard & Poor's, Heritage Foundation, Freedom House, Transparency International, Center for Public Integrity, Всемирный экономический форум и другие [20].

При измерении качества национальных институтов применяются четыре основных подхода: использование макроэкономических показателей; проведение опросов среди населения и предприятий, как непосредственных пользователей государственных услуг; опросы экспертного сообщества; а также анализ конкретных качественных характеристик, включая статистику электоральных процессов, качество образовательных и иных государственных услуг.

Основная часть международных индексов ориентирована на оценку политических институтов, эффективности государственного управления, уровня защиты прав собственности и степени независимости судебной системы. Вместе с тем научная дискуссия подчеркивает ряд существенных ограничений существующих методик измерения качества институтов.

Во-первых, субъективность экспертных оценок и неполнота исходной информации, на базе которой формируются итоговые рейтинги. Примером служат индекс свободы предпринимательства (Business Freedom Index) и индекс защищенности прав собственности (Property Rights Index), рассчитываемые Heritage Foundation исключительно на основе экспертных суждений.

Во-вторых, отсутствие прозрачности в методологии проведения опросов приводит к снижению уровня доверия к получаемым оценкам состояния государственных институтов.

В-третьих, отмечается возможная политизированность отдельных аналитических агентств, особенно при формировании рейтингов для России, что вносит дополнительный элемент предвзятости в результаты исследований.

В-четвертых, отсутствует возможность полноценной верификации надежности и адекватности оценки качества институциональной среды только на основании данных указанных индексов, что ограничивает их применимость в качестве единственного источника для серьезного научного анализа.

Корреляция показателей между странами. Сравнение динамики одних и тех же индикаторов между разными странами позволяет выявить региональные тенденции и степень взаимодействия стран. В целом, за 2000–2024 гг. не прослеживается полной синхронности

институциональных изменений между всеми странами – напротив, траектории ряда стран заметно разошлись. Так, Казахстан и Узбекистан демонстрируют схожие тренды роста по ключевым индексам после 2016 г. – корреляция их усреднённого индекса качества управления составляет около 0,8, что указывает на сильную положительную сопряжённость реформ. Вероятно, успешный опыт Казахстана отчасти служил ориентиром для пост-Каримовского Узбекистана, а оба государства выигрывали от благоприятной ценовой конъюнктуры на сырье, инвестируя ресурсы в улучшение госуправления. В противоположность этому, Россия по ряду показателей движется в отрыве от соседей. Например, динамика индекса качества регулирования в России слабо коррелирует с Казахстаном (-0,65\$) и Узбекистаном (-0,75\$) – в то время как в Казахстане и Узбекистане регуляторная среда улучшалась, в России после 2010 г. наблюдалось снижение данного индикатора. Аналогично, траектории голоса и подотчётности России и Кыргызстана имеют обратную направленность (-0,7\$): на фоне постепенного ужесточения политического режима в России Кыргызстан переживал либерализацию после революций 2005 и 2010 гг. С другой стороны, есть примеры близкой корреляции: изменение политической стабильности в России и некоторых более мелких странах оказались связаны (0,5\$ с Узбекистаном и Таджикистаном). Это может отражать общерегиональные факторы безопасности (например, влияние афганского фактора, терроризма и т.д.) либо транслирование российской внешнеполитической повестки на соседей. В целом можно заключить, что общего для всех тренда в институциональном развитии региона нет: каждая страна шла по своему пути. Тем не менее, тесные двусторонние корреляции указывают на наличие подгрупп государств, развивавшихся схожим образом. Так, можно выделить связку Казахстан–Узбекистан, где реформаторская динамика схожа, и пару Таджикистан–Туркменистан, стагнирующих на низком уровне; промежуточное положение занимают Россия–Киргизия, частично обособленные в своих тенденциях.

Влияние различных факторов на институциональное развитие было изучено с помощью регрессионного анализа. Поскольку все шесть индикаторов WGI отражают определённые стороны качества институтов, сложно выбрать единственную переменную, характеризующую «институциональное развитие» в целом. Для целей анализа в качестве условной целевой переменной (индикатора результата) возьмём эффективность правительства (Government Effectiveness) – этот индекс во многом интегральный, так как эффективность публичного управления зависит и от качества правовых норм, и от контролирования коррупции, и от политической обстановки. Эффективность правительства (GE) была регрессирована на остальные показатели (Voice & Accountability, Political Stability, Regulatory Quality, Rule of Law, Control of Corruption) по панельным данным всех 6 стран (период 2000–2024, 138 наблюдений). Такая модель позволяет определить, какие факторы наиболее тесно связаны с вариациями эффективности госуправления. Результаты регрессии значимы статистически (коэффициент детерминации R^2 0,75), а выявленные зависимости соответствуют ожиданиям и выводам независимых исследований. Прежде всего, обнаружено, что верховенство закона оказывает сильнейшее положительное влияние на эффективность правительства: при прочих равных рост индекса Rule of Law на 0,1 условных единицы связан с ростом индекса Government Effectiveness примерно на 0,082 (коэффициент 0,82, $p < 0,001$). Иначе говоря, страны, добившиеся улучшения правовой системы (защиты контрактов, независимости судов, соблюдения порядка), обычно имеют и более эффективные правительства – без этого эффективное управление затруднительно. Этот вывод согласуется с исследованиями Всемирного банка, подчёркивающими, что укрепление правопорядка и снижение коррупции идут рука об руку с ростом качества государственного аппарата. В нашей модели показатель Regulatory Quality (качество регулирования) также внес значимый вклад (0,24, $p = 0,001$) – что свидетельствует: совершенствование регуляторной среды (адекватность законов для бизнеса, отсутствие избыточных барьеров) способствует росту эффективности управления. Примечательно, что индекс Control of Corruption имел положительный, но не полностью статистически значимый коэффициент в присутствии переменной верховенства закона. Дело в том, что коррупция и верховенство закона сами по себе очень тесно связаны (корреляция 0,9), и их влияние на эффективность перекрывается. Если же исключить Rule of Law из модели, то контроль коррупции становится одним из главных факторов, наряду с качеством регулирования и все той

же отрицательной Voice & Accountability. Это подтверждает, что борьба с коррупцией напрямую улучшает качество государственного управления, что широко признано в теории развития (коррупционность ослабляет институты, снижает доверие и эффективность решений).

Особый интерес представляет неожиданное на первый взгляд влияние показателя Voice and Accountability (демократичность, гражданские свободы) на эффективность правительства. В регрессионной модели коэффициент при VA оказался отрицательным и статистически значимым. Это означает, что в совокупности для наших стран более низкие значения индекса голос подотчётности (т.е. более авторитарные практики) ассоциировались с несколько более высокой эффективностью государственного аппарата. Данный результат отражает описанный выше региональный феномен: авторитарные государства Центральной Азии (особенно Казахстан, частично Узбекистан) продемонстрировали вполне высокое качество бюрократии и услуг, тогда как более открытый Кыргызстан – напротив, испытывал трудности с эффективностью управления. Важно подчеркнуть, что отрицательный коэффициент при VA не означает, будто авторитаризм улучшает управление каузально – скорее, это свидетельствует о том, что демократические институты пока не стали гарантией эффективности в постсоветских условиях. Возможны и объяснения в духе «авторитарной модернизации»: сильная централизованная власть способна быстрее проводить реформы и обеспечивать порядок, тогда как демократические процессы без крепких правовых основ могут приводить к нестабильности. В то же время, в долгосрочной перспективе отсутствие подотчётности может ограничивать качество управления из-за неконтролируемой коррупции и ошибок политики. Таким образом, регрессионный анализ показывает, что наибольшее положительное влияние на развитие институтов оказывают укрепление правового государства, борьба с коррупцией и улучшение регуляторной среды. Эти направления реформ можно считать локомотивами институционального прогресса. Напротив, политико-демократический фактор (VA) в краткосрочной перспективе проявил себя неоднозначно – его влияние носит отрицательный характер в нашем наборе стран, указывая на наличие компромисса между демократизацией и управленческой эффективностью. Что касается индекса Political Stability, то его коэффициент в модели незначим (около нулевой) – это значит, что различия в уровне стабильности/конфликтности за рассматриваемый период слабо объясняют различия в эффективности управления. Вероятно, потому, что в целом по региону политическая стабильность оставалась умеренно высокой (кроме отдельных событий в Кыргызстане), и её вариации были недостаточны, либо же стабильность достигается как демократическими, так и авторитарными способами, не оказывая прямого влияния на качество бюрократии.

Резюмируя, ключевые факторы институционального развития можно расположить так, на базе данных стран ЦА и России величайшее значение имеют верховенство закона и контроль коррупции, затем качество регулирования; политические факторы (стабильность и демократичность) в краткосрочном плане играют второстепенную или даже противоречивую роль. Этот вывод согласуется с эмпирическими работами, показывающими, что страны с устойчивым правовым порядком и низкой коррупцией почти всегда имеют более сильные институты и лучший рост, тогда как одни выборы и формальные свободы без институциональной прозрачности не гарантируют эффективного управления.

2. Общая картина институционального развития на основе группировки страны по сходству их показателей с использованием кластерного анализа

Для обзора общей картины институционального развития имеет смысл сгруппировать страны по сходству их показателей. Используя значения шести индексов WGI за 2022 год, был выполнен кластерный анализ, результат которого представлен на дендрограмме ниже. Видно, что страны разбиваются на три кластера.

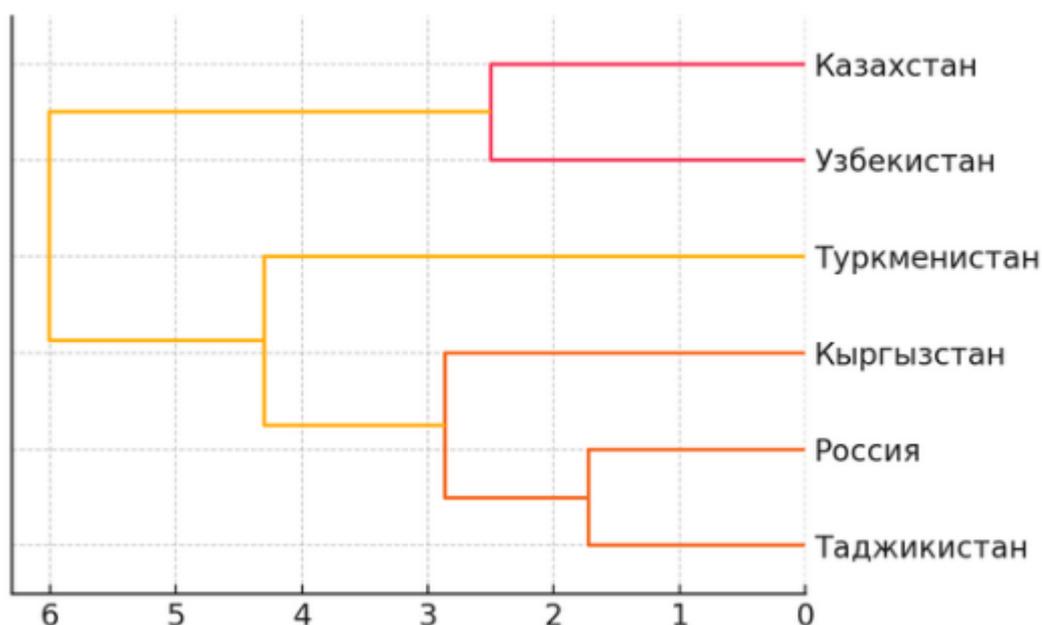

Рис. 2. Дендрограмма стран Центральной Азии и России

Составлено авторами на основе данных WGI ВБ за 2022 год, по следующим шести институциональным индексам: контроль коррупции, эффективность правительства, политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма, качество регулирования, верховенство закона, голос и подотчётность.

Индексы WGI, использованные для кластерного анализа: контроль коррупции (Control of Corruption), эффективность правительства (Government Effectiveness), политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма (Political Stability and Absence of Violence/Terrorism), качество регулирования (Regulatory Quality), верховенство закона (Rule of Law), голос и подотчётность (Voice and Accountability).

Метод анализа - иерархическая кластеризация методом ближайшего соседа (single linkage) на основе евклидовых расстояний.

Единицы измерения - стандартизованные значения индексов WGI (z-оценки, безразмерные).

Кластеризация стран по профилю шести индикаторов WGI (оценки за 2022 год). По оси X отложена мера диссимilarity (чем меньше значение, тем ближе страны по своим институциональным характеристикам). Казахстан и Узбекистан образуют ближний кластер с относительно более высоким качеством институтов; Туркменистан обособлен вследствие крайних низких значений ряда показателей; Кыргызстан, Россия и Таджикистан сгруппированы в кластер со схожим промежуточным уровнем.

Первый кластер (на дендрограмме – правая верхняя группа) составляют Казахстан и Узбекистан. Этим странам присущ наивысший уровень институтов в регионе: у Казахстана к 2022 г. почти по всем показателям WGI зафиксированы лучшие значения (например, контроль коррупции близок к 50-му перцентилю, верховенство закона – около 40-го, что заметно выше соседей), а Узбекистан после недавних улучшений вплотную подтянулся к Казахстану. Можно сказать, что Казахстан и новый Узбекистан представляют группу относительно более эффективных автократий – при различиях в политике, оба государства добились умеренно неплохого качества госуправления. Их объединение в кластер подтверждается и внешними рейтингами: так, согласно исследованию Elite Quality Index (2021), Казахстан занял высшее место среди центральноазиатских стран (46-е в мире), а Узбекистан – 82-е, что тоже выше остальных.

Второй кластер – Кыргызстан и Россия (а на дендрограмме к ним примыкает и Таджикистан). Эти страны находятся на промежуточном уровне институционального развития.

Обе испытывают проблемы в ряде направлений, хотя и не столь слабые, как худшие примеры. Россия демонстрирует более сильные позиции по некоторым показателям (например, политическая стабильность и отсутствие насилия в РФ традиционно лучше, чем в Кыргызстане), однако серьёзно отстаёт от Казахстана по контролю коррупции и качеству регуляторной среды. Кыргызстан, напротив, выигрывает у России лишь по уровню демократичности (VA), но уступает почти по всем остальным критериям (коррупция, эффективность, правопорядок хуже). В итоге средний профиль их институциональных показателей сравнительно близок – смешанный, ни хороший, ни совсем плохой. Это отражается и в мировых рейтингах: по тому же индексу качества элит Киргизия попала в категорию стран со “средним” качеством (121-е место), а по оценкам WGI оба государства имеют показатели ниже глобального среднего, но и не минимальные (в диапазоне 10–35 перцентилей по разным индикаторам). Отметим, что Таджикистан на дендрограмме примыкает к кластеру России и Киргизии, что может выглядеть неожиданно – ведь по большинству параметров Таджикистан ближе к отстающему Туркменистану. Это объясняется тем, что метод кластеризации учитывает конфигурацию всех 6 признаков, таким образом, у Таджикистана, хоть и крайне низки эффективность, правопорядок и контроль коррупции, все же несколько лучше ситуация с политической стабильностью (выше, чем у Киргизии) и некоторые тенденции за 20 лет сближают его траекторию с российской (к примеру, оба государства оставались автократиями с относительной стабильностью). Тем не менее, по итоговым значениям Таджикистан, конечно, значительно уступает России и Киргизии – поэтому его можно рассматривать как переходный случай.

Третий кластер – это Туркменистан (и по сути, вместе с ним Таджикистан, если группировать по исходным уровням показателей). Туркменистан уверенно занимает последнее место по качеству институтов: его значения WGI худшие практически по всем направлениям, будь то верховенство закона, контроль коррупции или голос граждан (для ряда показателей Туркменистан находится на 0–5 перцентиле глобально). Таджикистан лишь немного опережает Туркменистан (например, по качеству регулирования 11-й перцентиль против единиц у Туркменистана). Оба государства можно охарактеризовать как самые слабые институты региона – их отличает авторитарная власть, высокий уровень коррупции, слабая правовая система, низкое качество госуправления. В совокупности факторов эти две страны оказались в категории отстающих по качеству правящих элит (139–140-е места из 151, согласно упомянутому индексу). Единственное относительное достоинство – политическая стабильность: и Туркменистан, и Таджикистан в 2000–2020-е годы не переживали крупных конфликтов или смен власти (отражаясь высокими значениями индекса PS). Однако очевидно, что стабильность без эффективных институтов не ведёт к развитию: оба государства характеризуются стагнацией социальных показателей, оттоком населения и низким доверием к институтам.

Кластерный анализ таким образом подтверждает выводы, полученные ранее разрозненно. В регионе Центральной Азии чётко прослеживается иерархия стран по уровню институционального развития: Казахстан (и в новейшее время Узбекистан) находятся на вершине, демонстрируя относительно лучшую институциональную среду; на дне рейтинга – Туркменистан и Таджикистан с хроническими институциональными проблемами; промежуточное положение занимают Россия и Кыргызстан, сочетающие умеренные успехи и серьёзные недостатки. Подобное распределение коррелирует и с уровнем социально-экономического развития: лидеры по качеству институтов являются также наиболее крупными и экономически успешными (Казахстан, частично Россия и растущий Узбекистан), тогда как аутсайдеры – беднейшие в регионе (Таджикистан имеет наименьший ВВП на душу населения, Туркменистан хотя и богат ресурсами, но отличается крайне неэффективным их использованием). Это подчёркивает важность институциональных реформ: страны, сумевшие улучшить показатели государственного управления, как правило, добились и более высоких показателей роста и инвестиций. Напротив, государства с застоявшимися или деградировавшими институтами столкнулись с проблемами в развитии и остаются уязвимыми перед внешними и внутренними вызовами.

3. Всесторонний анализ дифференциации и сложности институционального развития в постсоветской Евразии.

Комплексный анализ показал существенную дифференциацию и сложность институционального развития в постсоветской Евразии. Во-первых, обнаружено, что внутри каждой страны индикаторы WGI зачастую тесно взаимосвязаны: прогресс в одной сфере (например, снижение коррупции) сопровождается улучшением в другой (эффективность правительства), что подтверждает системную природу институциональных реформ. Однако имеются и перекосы – в ряде случаев усиление политической вертикали и стабильности происходило параллельно с сокращением гражданских свобод, отражаясь в отрицательной корреляции между соответствующими показателями. Во-вторых, регрессионный анализ факторов подчеркнул первостепенную роль верховенства закона, контроля коррупции и качества регулирования как драйверов укрепления институтов. Эти компоненты можно рассматривать как базис, без которого остальные реформы малоэффективны. Напротив, простое внедрение демократических процессов без институционального укрепления не гарантирует улучшения управления – в краткосрочной перспективе в рассматриваемых странах более высокая демократия даже статистически ассоциировалась с меньшей эффективностью государственного аппарата. Тем не менее, это не умаляет ценности прозрачности и подотчётности, а лишь указывает на необходимость их сопровождать институциональным строительством (улучшением законности, борьбой с коррупцией), чтобы демократия работала во благо развития. В-третьих, кластеризация стран по профилю индикаторов выявила отчётливые группы: (1) относительно благополучные в институциональном плане (Казахстан и примкнувший к нему по успехам Узбекистан), (2) промежуточные (Россия, Кыргызстан, а также частично Узбекистан в ретроспективе и Таджикистан с некоторыми оговорками) и (3) отстающие (Туркменистан и Таджикистан). Эта стратификация соответствует и независимым оценкам международных индексов. Таким образом, региональная картина представляется мозаичной: наряду с примерами успешного укрепления институтов имеются случаи стагнации и даже деградации.

После распада Советского Союза и образования пятнадцати суверенных государств, наряду с процессом формирования Содружества Независимых Государств как основы для интеграции на новых, в том числе рыночных, принципах, государства Средней Азии и Казахстана предприняли попытку углубить интеграционные процессы на региональном уровне. С учетом общих наднациональных интересов, а также факторов, связанных с безопасностью, ресурсами, энергетикой, транспортом и культурно-историческим наследием, было инициировано формирование интеграционного объединения в рамках Центрально-Азиатского региона.

Региональное объединение включало пять государств: Республику Казахстан, Кыргызскую Республику, Республику Таджикистан, Туркменистан и Республику Узбекистан. Центральная Азия обладает значительными территориальными ресурсами – общая площадь региона составляет около 4 млн км², что соответствует восьмому месту в мире, – а также богатейшими минерально-сырьевыми ресурсами, включая стратегически важные запасы урана, нефти, газа и редкоземельных металлов. Регион характеризуется высоким демографическим потенциалом: население составляет порядка 120 млн человек, что выводит Центральную Азию на четырнадцатое место в мировом рейтинге по численности населения, при этом отмечается высокий уровень рождаемости.

Историческая общность, обусловленная существованием на этой территории в различные эпохи могущественных государств, наличие единой религиозной и культурной основы, емкий внутренний рынок, совместная заинтересованность в рациональном использовании водных и энергетических ресурсов, наличие квалифицированных трудовых ресурсов, а также потребность в развитии оборонной промышленности и создании мобильных структур для реагирования на чрезвычайные ситуации – всё это формирует устойчивые предпосылки для углубления экономической интеграции в регионе.

Развитие интеграционных процессов в Центральной Азии способно значительно укрепить региональные позиции, повысить устойчивость к воздействию деструктивных внешних факторов и увеличить долю Центральной Азии в глобальных и региональных экономических

системах. Обладая высоким инвестиционным потенциалом, Центральная Азия оказывает растущее влияние на развитие не только соседних стран, но и целых макрорегионов мировой экономики [15].

Анализ указывает, что странам Центральной Азии целесообразно уделять первоочередное внимание укреплению правовых основ и борьбе с коррупцией, поскольку эти меры дают наибольший мультипликативный эффект для повышения качества госуправления. Международный опыт свидетельствует: последовательное улучшение по таким индикаторам, как Rule of Law и Control of Corruption, как правило, сопровождается ростом доверия к институтам, притоком инвестиций и устойчивым развитием. Казахстан является примером сравнительно успешной институциональной модернизации среди постсоветских стран, и его опыт (например, создание относительно эффективной налоговой и административной системы, цифровизация госуслуг) может служить моделью для соседей. Узбекистан подтвердил возможность стремительного прогресса, начав реформы в упомянутых ключевых сферах. В то же время, странам с низкими показателями (Таджикистан, Туркменистан) очевидно необходимы более глубокие изменения – в их случае текущая стабильность носит хрупкий характер из-за отсутствия легитимных институтов. Что касается соотношения демократии и эффективности, для Кыргызстана и других молодых демократий региона актуально выстраивание институтов подотчётности – баланс между конкурентной политической средой и дисциплиной в управлении. Наконец, выявленная разнородность траекторий развития указывает на то, что универсального рецепта не существует: локальный контекст и политическая воля властей определяют успех реформ. Международные организации и партнеры по развитию (например, ЕС, ОБСЕ) при оказании поддержки в области государственного управления должны учитывать, на каком этапе находится каждая страна: кто-то (Казахстан) нуждается уже в тонкой настройке и инновациях для дальнейшего прогресса, а кто-то (Туркменистан) – фактически в запуске базовых институциональных преобразований с нуля. Общим приоритетом для всех остаётся повышение качества государственного управления как основы устойчивого социально-экономического развития региона [5].

Сегодня накоплен богатый 30-летний опыт трансформации национальных экономик и настало время для разработки новой концепции экономического взаимодействия с Центральной Азией и активного сотрудничества между собой всех государств региона [3]. Одновременно с усилением интеграционных процессов сохраняются значительные риски, способные подорвать стабильность и устойчивость экономического развития стран Центральной Азии, а также поставить под угрозу их экономическую безопасность. К числу наиболее серьезных угроз относится сохранение сырьевой модели экономики, ориентированной на экспорт необработанных ресурсов и зависимой от колебаний конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

Структура национальных экономик характеризуется высокой долей первичной переработки сырья и недостаточным развитием обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей. Дополнительные угрозы формируют обширный теневой сектор экономики, высокий уровень безработицы, включая её скрытые формы, значительный отток трудоспособного населения, а также нарастающая поляризация экономического пространства и выраженные различия в уровне социального развития между отдельными регионами.

Эти структурные слабости усиливают уязвимость стран Центральной Азии перед внешними шоками и внутренними социально-экономическими дисбалансами, требуя принятия комплексных мер по модернизации экономик и укреплению институтов устойчивого развития [6]. Для их разрешения необходимы решительные меры по структурной перестройке национальных экономик и привлечение масштабных инвестиций в новые технологии и развитие человеческого капитала [7].

Заключение

Как показала историческая практика, после развала единого государства СССР, страны ЦА, в следствие развития дезинтеграционных процессов в экономике и других направлениях, деградировали и были отброшены в своём развитии на десятки лет назад [17].

Одним из примеров является Республика Таджикистан, которая в первые годы независимого существования под воздействием совокупности объективных и субъективных

факторов, включая внешнее влияние, оказалась подверженной дезинтеграционным процессам, совпавшим по времени с гражданской войной, что привело экономику страны к кризису, глубокому экономическому упадку, росту бедности и безработицы, резкому снижению уровня благосостояния населения страны.

Следовательно, стремление к развитию сотрудничества, в частности в сфере экономической интеграции государств Центрально-Азиатского региона, обладает объективной основой. С учетом возрастающей необходимости совместного реагирования на глобальные и региональные вызовы, эффективное преодоление которых невозможно усилиями отдельных стран, процессы интеграции будут усиливаться в долгосрочной перспективе. Консолидация усилий в экономической, политической и социальной сферах становится стратегическим императивом для обеспечения устойчивого развития региона и повышения его конкурентоспособности в глобальной системе [2].

Проведение «изоляционной» внутренней и внешней политики, включая меры в экономической сфере, способствует усилению процессов дезинтеграции, повышению рисков для обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста, а также приводит к снижению уровня благосостояния населения стран региона. Стратегия самоизоляции ослабляет потенциал экономического развития, усиливает структурные уязвимости и ограничивает возможности для эффективного использования внутренних и внешних ресурсов.

В то же время, несмотря на возникающие трудности и серьезные вызовы, независимые государства ЦА в последние годы достигли значительных успехов в области экономического роста, государственного строительства и развития институциональной инфраструктуры. Было налажено активное сотрудничество как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних соглашений, что способствовало укреплению интеграционных процессов и повышению устойчивости национальных экономик [4].

Эти источники подтверждают вычисленные тенденции и обеспечивают контекст для интерпретации результатов.

Анализ динамики экономических и институциональных индикаторов в России и странах ЦА показывает, что качественные институты являются фундаментальной основой для устойчивого экономического роста. Внутренние взаимосвязи между показателями, выявленные с помощью корреляционного и регрессионного анализа, подтверждают системный характер институционального развития: прогресс в одной области (например, укрепление правового государства) сопровождается улучшением в других (снижение коррупции, повышение эффективности государственного управления). Наибольшее положительное влияние на рост качества управления оказывают верховенство закона, контроль коррупции и качество регулирования. Демократические процессы, отраженные через индикатор «Голос и подотчетность», в краткосрочной перспективе демонстрируют неоднозначное влияние, что указывает на необходимость комплексного институционального развития.

Сравнительный анализ стран ЦА позволил выявить существование четкой стратификации по качеству институтов. Казахстан и современный Узбекистан сформировали группу государств с наиболее прогрессивной институциональной динамикой, тогда как Таджикистан и Туркменистан сохраняют статус стран с крайне слабыми институтами. Россия и Кыргызстан занимают промежуточное положение, демонстрируя отдельные успехи на фоне системных проблем в ключевых институциональных сферах. Такие различия обусловлены спецификой политических режимов, эффективностью реформ, уровнем правового регулирования и борьбой с коррупцией. Успехи Казахстана и реформы Узбекистана подтверждают возможность целенаправленного улучшения институтов даже в сложных постсоветских условиях.

Результаты исследования подчеркивают необходимость углубления региональной экономической интеграции стран ЦА для преодоления существующих ограничений. Только координация усилий в области правового укрепления, борьбы с коррупцией, развития человеческого капитала и создания эффективных институтов может обеспечить устойчивый рост и повышение благосостояния населения. Опережающее развитие институтов должно стать стратегическим приоритетом для стран региона, поскольку оно напрямую связано с их способностью адаптироваться к глобальным вызовам и обеспечивать конкурентоспособность в мировой экономической системе.

Литература

1. Асадуллина, А. В. мировые индикаторы институционального развития: обзор и ситуация в России // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: Материалы VI МНПК, Уфа, 26–27 мая 2017 года. – Уфа: ГОУ ВПО УГАТУ, 2017. – С. 15-21.
2. Бабаев, К.В. Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы / К. В. Бабаев // Евразийские исследования. – 2024. – № 1. – С. 17-23.
3. Балашова, С.П., Балашов В.В. Тенденции развития сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 4-1(110). – С. 28-32.
4. Вакарев, А.А. Центральная Азия как перспективный макрорегион экономического роста // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 1(89). – С. 64-66.
5. Всемирный банк. Worldwide Governance Indicators (WGI) – Aggregate Indicators of Governance 1996–2023 [Электронный ресурс] // The World Bank Group. – URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Зиядуллаев, Н.С., Бахридинова Х.А., Омарова З.К. Развитие национальных хозяйств государств ЕАЭС и Центральной Азии в условиях глобальной турбулентности // Экономические системы. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 190-200.
7. Зиядуллаев, Н.С. Социально-производственная инфраструктура государств Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 9-28.
8. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
9. Зоидов К.Х. Эволюционный подход и его значение для развития экономической системы в постсоветских странах // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 96-112.
10. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 3. С. 16-32.
11. Козлова, С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022-2024 гг. / С. В. Козлова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 5. – С. 42-57.
12. Маккамбаев, П.А. Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 273-296.
13. Морковкин, Д.Е., Мамедов Т.Н. Анализ факторов и приоритетов экономического развития стран Центральной Азии и России в контексте сопряжения национальных интересов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 11. – С. 79-84.
14. Пирназаров, Р.А. Экономика Центральной Азии // Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 21–22 апреля 2021 года. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2021. – С. 212-217.
15. Рахимов, М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 52-66.
16. Россия - Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022-2024 гг. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiia-central-naia-azii-tendentcii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/> (дата обращения 22.04.2025).
17. Селищева, Т.А., Селищев А. С., Вэйди Ч. Экономические взаимосвязи стран-членов ЕАЭС со странами Центральной Азии // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2(82). – С. 15-20.

18. Хубиев, К.А., Батчаев М.Х.К., Айдинова Д.Х.М. Экономическое развитие России в современных условиях // Российский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 31-45.
19. Цели и интересы России в Центральной Азии: настоящее и будущее - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/direction-topics/czeli-i-interesy-rossii-v-czentralnoj-azii-nastoyashhee-i-budushhee-5188> / (дата обращения: 14.04.2025).
20. World Economics <https://www.worldeconomics.com/Rankings/Economies-By-Global-Growth.aspx>.

References

1. Asadullina, A.V. Global indicators of institutional development: an overview and the situation in Russia // Actual issues of economic theory: development and application in practice of Russian transformations: Proceedings of the VI MNPC, Ufa, May 26-27, 2017. Ufa: UGATU State University of Higher Education, 2017. pp. 15-21.
2. Babaev, K.V. Russia and Central Asia: trends and Prospects / K. V. Babaev // Eurasian Studies. - 2024. – No. 1. – pp. 17-23.
3. Balashova, S.P., Balashov V.V. Trends in the development of cooperation between Russia and Central Asian countries // Economics and Business: theory and practice. – 2024. – № 4-1(110). – Pp. 28-32.
4. Vakarev, A.A. Central Asia as a promising macro-region of economic growth // Problems of modern economics. – 2024. – № 1(89). – Pp. 64-66.
5. The World Bank. Worldwide Governance Indicators (WGI) – Aggregate Indicators of Governance 1996-2023 [Electronic resource] // The World Bank Group. – URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (date of access: 04/24/2025).
6. Ziyadullaev, N.S., Bakhriddinova Kh.A., Omarova Z.K. Development of national economies of the EAEU and Central Asian states in the context of global turbulence // Economic systems. – 2022. – Vol. 15, No. 2. – pp. 190-200.
7. Ziyadullaev, N.S. Socio-industrial infrastructure of the Central Asian states // The Economy of Central Asia. – 2021. – Vol. 5, No. 1. – pp. 9-28.
8. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
9. Zoidov K.Kh. The evolutionary approach and its significance for the development of the economic system in post-Soviet countries // Economics and mathematical methods. 2009. Vol. 45. No. 2. pp. 96-112.
10. Zoidov K.Kh. The evolutionary and institutional approach and methodology of anti-crisis measures in the transition economy // Economics and mathematical methods. 2004. Vol. 40. No. 3. pp. 16-32.
11. Kozlova, S.V. Transformation of state property management institutions: results of 2022-2024 / S. V. Kozlova // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 42-57.
12. Makkambaev, P.A. The current state of the emerging system of regional security in Central Asia // The Economy of Central Asia. – 2021. – Vol. 5, No. 3. – pp. 273-296.
13. Morkovkin, D.E., Mammadov, T.N. Analysis of factors and priorities of economic development of the countries of Central Asia and Russia in the context of interfacing national interests // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law, 2023, No. 11, pp. 79-84.
14. Pirnazarov, R.A. Economics of Central Asia // International humanitarian cooperation: new challenges and opportunities: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Yoshkar-Ola, April 21-22, 2021. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2021. pp. 212-217.

15. Rakhimov, M.A., Paramonov V.V. Comparison of economic relations between Russia and China with the countries of Central Asia // Russia and the world: Scientific dialogue. – 2021. – Vol. 1, No. 1. – pp. 52-66.
16. Russia - Central Asia: trends and prospects of cooperation, 2022-2024 - [Electronic resource]. - Access mode: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiia-tcentral-naia-aziia-tendentcii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/> (date of access 04/22/2025).
17. Selishcheva, T.A., Selishchev A. S., Vady Ch. Economic relations of the EAEU member states with the countries of Central Asia // Problems of modern economy. – 2022. – № 2(82). – P. 15-20.
18. Khubiev, K.A., Batchaev M.Kh.K., Aydinova D.Kh.M. Economic development of Russia in modern conditions // Russian Economic Journal. – 2024. – No. 2. – pp. 31-45.
19. Goals and interests of Russia in Central Asia: present and future - [Electronic resource]. - Access mode: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/direction-topics/czeli-i-interesy-rossii-v-czentralnoj-azii-nastoyashhee-i-budushhee-5188/> (date of access: 04/14/2025).
20. World Economics <https://www.worldeconomics.com/Rankings/Economies-By-Global-Growth.aspx>.

Об авторах

Зойдов Кобилжон Ходжиевич, кандидат физико-математических наук, доцент, руководитель Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва.

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН, Москва.

About authors

Kobiljon Kh. Zoidov, Candidate of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor, Head of the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow.

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the Market Economy Institute of RAS, Moscow.